

Лорд Каслри и «польский вопрос» на Венском конгрессе 1814 – 1815 гг.

Евгений Панков
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматриваются ключевые факторы, влиявшие на формирование позиции министра иностранных дел Великобритании лорда Каслри в отношении «польского вопроса» в преддверии Венского конгресса 1814 – 1815 гг., эволюция взглядов и подхода дипломата к решению этой проблемы, а также сам ход дипломатической борьбы между британским министром иностранных дел и лидерами Антинаполеоновской коалиции по поводу послевоенного устройства польских земель. В качестве исследовательской задачи была определено рассмотрение концептуальных основ подхода британской дипломатии к вопросу о территориальном устройстве населённых поляками земель в Венской системе международных отношений, а также фактор личности лорда Каслри, имевший существенное значение в ходе его дипломатической борьбы вокруг «польского вопроса» с представителями ведущих европейских держав и, главным образом, с российским императором Александром I. Научная новизна работы заключается в попытке поставить позицию британского министра иностранных дел в центр исследования процесса решения одного

из ключевых вопросов, рассмотренных на Венском конгрессе, и проанализировать влияние политического опыта политика, а также комплекса внутренних и внешних факторов на его позицию. В результате автор приходит к выводу о наличии оснований назвать принятый представителями Великих Держав вариант решения «польского вопроса» успешным для Каслри и выгодным для Великобритании, несмотря на несоответствие итоговых решений Конгресса требованиям, заявленным британским министром перед началом переговоров. Кроме того, в подходе лорда Каслри к «польскому вопросу» чётко прослеживается преемственность его видения территориального устройства Европы по отношению к концепции «справедливого равновесия», сформулированной У. Питтом-младшим: одним из необходимых условий её реализации было недопущение вхождения всех населённых поляками земель в состав одной из европейских держав. Отмечается также беспрецедентная для британских министров иностранных дел той эпохи вовлечённость Каслри в континентальную проблематику, хронологически совпавшая с переломными для Европы событиями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Каслри, польский вопрос, Венский конгресс, Александр I, just equilibrium.

Для связи с автором: panckovv.eug@gmail.com

конгресс, справедливое равновесие,

Lord Castlereagh and the Polish question at the Congress of Vienna 1814 – 1815

Evgeny Pankov
MGIMO University

ABSTRACT

The article dwells upon the key factors which shaped the approach of Viscount Castlereagh, the British Secretary of State for Foreign Affairs (1812 – 1822), with respect to the Polish question in the run-up to the Congress of Vienna 1814 – 1815, the evolution of the diplomat's attitude towards this problem, as well as the diplomatic struggle between the British Foreign Secretary and his European counterparts over the post-war organization of the territories inhabited by the Poles.

The research task consists in the attempt to analyse the conceptual framework of the Foreign Office's attitude towards the post-war territorial settlement of the Polish lands, as well as Castlereagh's personality factor, that was of significant importance in the course of his diplomatic struggle over the Polish cause with the Great Powers' representatives, especially with Alexander the Great.

The article's novelty consists in the attempt to place the Foreign Secretary's

position at the centre of the analysis of a crucial issue considered at the Congress of Vienna, and to touch upon the influence of Castlereagh's political background and some domestic and foreign factors that influenced his position.

As a result, the author draws the conclusion that the final settlement of the Polish question was successful for Castlereagh and beneficial for the United Kingdom in spite of the difference between the final decisions and the demands of the Foreign Secretary that were expressed on the eve of the Congress. Besides, there is a continuity between Castlereagh's views on the European territorial settlement and the "just equilibrium" concept, set forth by W. Pitt the Younger: a necessary condition for its realisation was the prevention of accession of Polish lands to only one Great Power. Moreover, the author emphasises the unprecedented for then British Foreign Secretaries involvement in the continental problems, which coincided with the decisive European events.

KEY WORDS

Castlereagh, the Polish question, the Congress of Vienna, Alexander I, just equilibrium.

Contact the author via panckovv.eug@gmail.com

Поражение Франции в Отечественной войне 1812 г. спровоцировало качественные и количественные изменения политической карты Европы, которые были закреплены в результате острой дипломатической борьбы на Венском конгрессе 1814 – 1815 гг., куда прибыли делегации всех стран — участниц Наполеоновских войн. Великобританию представлял виконт Каслри. Английский дипломат играл важную роль в формировании устойчивой системы международных отношений, которая обеспечила устойчивый и долгий мир на континенте. Острые противоречия между бывшими союзниками по Антинаполеоновской коалиции разгорелись по поводу послевоенного устройства польских земель, вопрос принадлежности которых имел ключевое значение для установления прочного мира в Европе, поэтому особого внимания заслуживает позиция министра иностранных дел Великобритании по этому вопросу.

Современный наблюдатель привык видеть, как британские премьер-министры курсируют по миру, иницируют встречи на высшем уровне, подписывают соглашения с коллегами, в то время как главы Форин офис проводят лишь предварительные переговоры. В начале XIX в. ситуация была обратной: находясь в Вене, Каслри имел в своих руках широкий инструментарий, был наделён значительной свободой дипломатического манёвра, в то время как премьер лорд Ливерпуль был заинтересован преи-

мущественно внутренними делами. Принимая во внимание значительное влияние британского министра иностранных дел на конечные решения, принятые в Вене в том числе и по польскому вопросу, необходимо остановиться на рассмотрении формирования его нрава и эволюции политических воззрений, ибо, как писал основоположник структурного реализма К. Уолтц: «Самые важные причины политических решений заложены в природе и поведении человека»^[1]. Следовательно, понять человека — значит сделать шаг вперёд к постижению исторических процессов.

Роберт Стюарт Каслри родился в 1769 г. Его семья была в числе самых богатых фамилий Ирландии. Его образование началось под руководством частных преподавателей, а продолжилось уже в местной академии и, в последствии, в Кембридже. Молодой Каслри был «высок и красив, но те современники, которые не были с ним близко знакомы, часто описывали его характер как “неприступно холодный”»^[2]. Его коллега Д. Хэрд, возглавлявший Форин офис много позже, в 1989 – 1995 гг., писал: «Каслри показывал свои эмоции в двух случаях: когда играл на виолончели и когда писал письма жене»^[3]. Как замечает другой биограф, вскоре после смерти политика его образ стал рассматриваться как «конспективное отображение нрава дипломатов XIX в. — скрытного, невозмутимого, утончённого и равнодушного»^[4].

Едва повзрослев, Каслри устремился в большую политику и уже в 29 лет стал

[1] Waltz K. The Man, State, and War. A Theoretical Analysis. / Kenneth N. Waltz. New York: Columbia University Press, 2001. P. 16.

[2] Jarrett M. The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon / Mark Jarrett. London: I. B. Tauris, 2013. — P. 75.

[3] Hurd D. Choose Your Weapons. The British Foreign Secretary: 200 Years of Argument, Success and Failure / Douglas Hurd. — London: Weidenfeld & Nicolson, 2010. — P. 6.

[4] Bartlett C. J. Castlereagh. / Christopher J. Bartlett. — London: Palgrave Macmillan, 1966. — P. 1.

главным секретарём комиссии по делам Ирландии. На «изумрудном острове» незадолго до этого вспыхнуло восстание. Подавив его, Лондон разработал Закон о парламентской унии, который должен был объединить ирландский и британский парламенты, но для реализации плана Георга III нужен был положительный вердикт ирландской Палаты общин. На долю молодого Каслри выпала сложная задача — подготовить почву для одобрения реформы ирландским парламентом.

Первые усилия политика окончились неудачей — депутаты отвергли проект. Со второй попытки, всего через год после провала первой, парламент «Изумрудного острова» проголосовал «за». За этот год Каслри развернул мощную информационную кампанию, а также, используя средства из королевской казны, не стеснялся, как говорят англичане, «смазывать колёса» — давал взятки ирландским парламентариям. Так, с помощью «методов, которые почти не выходили за рамки правил того времени»^[5], Каслри участвовал в создании Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии.

Один из высокопоставленных дипломатов того времени, вспоминая ирландские «подвиги» 2-го маркиза Лондондерри, писал: «Сделки Каслри с парламентариями изменили в худшую сторону его мнение об общественной добродетели, однако помогли ему пре-

успеть в важнейшей науке — познании человечества»^[6]. Этот политический урок в значительной мере повлиял на взгляды Каслри, которому суждено было участвовать в установлении нового европейского порядка пятнадцать лет спустя. Приобретенный опыт не исчез бесследно.

Академик Е. В. Тарле причислял Каслри к тем участникам Конгресса, которые «не возвышались над уровнем дипломатической обыденщины и могли в лучшем случае считаться “средними служебными полезностями” <...> Они все еще плелись в традиционных колеях XVIII века»^[7]. Известно также, что праздная атмосфера Венского конгресса тяготила «кабинетного политика»^[8], не стремившегося к публичности и ораторским изыскам.

Когда в 1791 г. десятки человек были убиты в ходе расстрела демонстрации на Марсовом Поле, а Людовик XVI находился под стражей, Каслри путешествовал по континенту, читал антиреволюционные памфлеты, слушал рассказы эмигрантов об ужасах, происходящих в Париже. Вернувшись на родину, он отбросил либеральные идеи и поддержал правительство на его радикальном пути к решению ирландского вопроса. С тех пор в его сердце навсегда поселился страх перед идеями Революции и «неприятие возрастающей силы новых идей либерализма и национализма»^[9].

Ностальгия по дореволюционному

[5] Hurd D. Op. cit. P. 5.

[6] Jarrett M. Op. cit. P. 77.

[7] Тарле Е. В. Талейран. / Сост. и авт. предисл. В. А. Дунаевский. — Москва: Республика, 1993. — С. 157

[8] Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. — М.: Международные отношения, 1996. — С. 116.

[9] Ward A. W., Gooch G. P. The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783-1919. Vol. 1 / Adolphus W. Ward, George P. Gooch. — Cambridge: University Press, 1922-23. — P. 434.

прошлому роднила главу Форин офис с другими участниками «Европейского концерта». Как писал У. Черчилль: «В 1814 г. в изящной и церемонной обстановке частных совещаний собралась группа аристократов, всю жизнь обучавшихся ведению государственных дел и дипломатии, до последней степени уставших от войны и ненавидевших перемены»^[10]. К слову, Г. Никольсон был жёстче в оценках: «Британию в 1814 г. представляли заблуждавшиеся реакционеры и жалкие аристократы»^[11]. О благоговении Каслри перед дореволюционными устоями говорит и ещё один примечательный факт. Его австрийский коллега и антипод Меттерних замечал в одном из писем, что британский министр «одевается по моде 1780 г.»^[12]: носит синий камзол и красные штаны.

Гардероб Каслри — отражение его приверженности принципу легитимизма, который, по предложению французского представителя Талейрана, лёг в основу венского урегулирования. Суть его сводилась к возврату политического устройства Европы в предреволюционное состояние — восстановлению границ, существовавших в 1789 г. Как объясняет Г. Киссинджер, на базе этого принципа был сконструирован каркас международного порядка, принятый всеми сильными державами как минимум до такой степени, что ни одна из них открыто не выражала стремления

к коренным его изменениям: «легитимизм не позволяет избежать конфликтов, но ограничивает их размах»^[13].

Принцип легитимизма в чистом виде не устраивал ни одну из сторон. Буквально сразу же после поражения Наполеона I между бывшими союзниками наметились, казалось бы, непреодолимые разногласия. Их корень крылся в самой методике урегулирования: нужно было найти компромиссный ответ на вопрос о принципе проведения послевоенных европейских границ. Предстояло сгладить шероховатости на предложенном Талейраном лекале, привести его в соответствие духу времени.

Эта проблема была крайне актуальна для населения Варшавского герцогства. В строгом согласии с идеей французского дипломата, Польша должна была быть восстановлена в границах, намеченных её Первым разделом (1772). Александра I этот вариант не устраивал. Он желал получить территориальное вознаграждение за решающий вклад русской армии в победу над Наполеоном. В первом письме, адресованном премьеру из Вены, Каслри замечает: «Ожидается, что российский император прибудет завтра. Нессельроде не имеет полномочий вносить какие-либо изменения в планы императора, касающиеся Польши»^[14]. Александр не доверил переговоры даже главе МИД, чем сразу же обозначил глубокую личную заин-

[10] Churchill W. S. *The World Crisis. The Aftermath.* / Winston S. Churchill. — London: Thornton Butterworth, 1931. — P. 120.

[11] Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. / Г. Никольсон; вступит. ст. и общ. ред. И. М. Майского; пер. с англ. под ред. И. С. Званица. — М.: Госполитиздат, 1945. — С. 45.

[12] Мусский И. 100 великих дипломатов / И. Мусский. — М.: Вече, 2009. — С. 248.

[13] Kissinger H. A. *World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812 – 22.* / Henry A. Kissinger. — Boston: Houghton Mifflin, 1957. — P. 1.

[14] Webster C. K. *British Diplomacy, 1813-1815: Select Documents Dealing with the Reconstruction of Europe* / Charles K. Webster. — London, 1921. — P. 195.

тересованность в решении польского вопроса.

Один из исследователей истории внешней политики Соединённого Королевства заметил: «Принципы британской внешней политики редко формулируются действующими лицами. Чаще всего, политики натыкаются на них методом проб и ошибок и следуют им подсознательно, на основе опыта»^[15]. Так было и в случае Каслри; однако тезисы внешнеполитического курса Британии были обрисованы У. Питтом-младшим в письме российскому министру иностранных дел Воронцову от 1805 г. Известно, что Каслри помогал премьеру в выработке внешнеполитической стратегии, будучи его «самым преданным и, возможно, самым надёжным помощником»^[16]. Питт акцентировал внимание на равновесии сил на континенте, а главную причину нестабильности видел в слабости Центральной Европы. Премьер предлагал решать эту проблему путём укрепления Австрии и Пруссии, их усиления во всех направлениях, и, соответственно, недопущения усиления России. Для этого в Средней Европе должны существовать сильные буферные государства, в том числе — сильная, но не обязательно суверенная, Польша. Продолжение этой политической линии прозрачно проявляется в подходе Каслри к польской проблеме, к которой другие члены правительства не питали должного интереса. Г. Киссинджер пи-

шет: «Британский народ не видел для себя угрозу в каких бы то ни было социально-политических волнениях на континенте, угроза усматривалась только лишь в нарушении баланса сил»^[17].

Стремление к *just equilibrium* (англ. — справедливое равновесие) в Европе ограничивало дипломатическую манёвренность Каслри. Дипломат находился в жёстких рамках из-за своей «слишком математической и порой нереалистичной позиции»^[18]. Позже Талейран замечал: «Положение английских министров обязывает их, под страхом прослыть утратившими качество, которое в Англии называется *character*, ни в коем случае не отклоняться от раз избранного пути; при выборе его их политика соотносится с возможным мнением парламента»^[19]. Однако не стоит переоценивать силу влияния парламента на позицию английских дипломатов: законодательный орган не особо интересовался европейскими делами. Лишь изредка наиболее активные либералы упрекали Каслри: виги открыто симпатизировали российским притязаниям на Польшу. Ярким критиком позиции министра иностранных дел был Канцлер Казначейства Ванситтарт, писавший: «Нам нельзя раздражать Россию упорным сопротивлением, которое вряд ли приведёт к успеху»^[20]. На это Каслри отвечал: «Российская угроза не выдумана. Мы должны настроиться на сопротивление Александру I

[15] Webster C.K. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815 – 1822: Britain and the European Alliance. / Charles K. Webster. — London: G. Bell and Sons, 1925. — P. 47.

[16] Ibid. P. 30.

[17] Kissinger H. Diplomacy. / Henry A. Kissinger. — New York: Simon & Schuster, 1994. — P. 75.

[18] Bertlett C. J. Op. cit. P. 144.

[19] Талейран Ш. — М. Мемуары. — М.: Издательство института международных отношений, 1959. — С. 210.

[20] Nicolson H. The Congress of Vienna: A Study in Allied Unity / Harold Nicolson. — New York, 1964. — P. 175.

как ещё одному Бонапарту»^[21]. В одном из писем Каслри сетовал: «[Российские требования] таят попытку восстановить систему, для разрушения которой мы объединились: когда одна мощная военная держава держит в некоторой зависимости две другие (имеются в виду Пруссия и Австрия, с которыми Россия, присоединив Польшу, имела бы общие границы — Е.П.) и через них распространяет влияние на Европу»^[22].

Нельзя было в полной мере освободиться и от влияния английского общественного мнения. «*The Times*» неоднократно выпускала материалы в защиту независимости Польши. На мнение простых людей значительно влияла и пропаганда «союзов» правительств: здесь преуспевал Талейран.

За всё время участия в Венском конгрессе правительство направило Каслри только одну официальную инструкцию, да и ту он «нарочно проигнорировал»^[23]. Премьер Ливерпуль сообщал свою позицию лишь по наиболее важным вопросам, параллельно побуждая своего подчинённого к скорому возвращению домой, чтобы активизировать совместные усилия на поле внутриполитической борьбы. Депеша из Лондона в Вену шла до двух недель — события успевали значительно измениться. Когда стало ясно, что интересы Британии на морях поправки не будут, Каслри, «самый европейский министр иностранных дел Великобритании»^[24] (его отъезд

на континент сразу стал сенсацией), получил карт-бланш в решении европейских проблем.

В отличие от большинства своих коллег Каслри считал Великобританию, в геополитическом смысле, частью континента. «Континентальный мир без британского участия был для него страшным сном»^[25]. Этим и была вызвана его высокая заинтересованность в судьбе Польше и Саксонии.

Своими притязаниями на все Варшавское герцогство целиком, Александр I полностью подрывал британскую модель урегулирования. В основу позиции императора были положены разработанные российской дипломатией ещё до Отечественной войны 1812 г. «Польские проекты». Их обсуждение началось ещё в 1809 г., когда этнический поляк А. Чарторыйский, сторонник восстановления польской государственности в тесном союзе с Россией, обратился с соответствующим предложением к Александру I. Его проект предусматривал образование вассального Польского королевства на территории Варшавского Герцогства и западных земель Российской империи.

Что интересно, в соответствии с планом Александр получал титул Короля Польского. Оказалось, что российский монарх действительно примет этот титул, но уже после Наполеоновских войн — в 1815 г., и станет, как отмечает Ю. А. Булатов, «единственным правителем, публично отмежевавшимся от договоренностей 1797 года между Россией,

[21] Ibid.

[22] Webster C. K. *British Diplomacy, 1813-1815*. P. 200.

[23] Ward A. W. *Op. cit.* P. 463.

[24] Капитонова Н. К., Романова Е. В. Указ. соч. С. 103.

[25] Kissinger H. *A World Restored*. P. 31.

Австрией и Пруссией: никогда не включать в свой титул “Королевство Польское”»^[26].

12 ноября 1809 г. в разговоре с уже потерявшим бывшее влияние подданным император признал, что «все беды в Европе» начались с момента разделов Речи Посполитой, и улучшить ситуацию можно, если «даровать конституцию и независимость Польскому Королевству в тесном соединении с русской короною»^[27]. Однако последующее поведение царя заставило Чарторыйского сомневаться в искренности его намерений: монарх все ещё надеялся заключить с Наполеоном «Конвенцию о Польше», которая предусматривала бы отказ от восстановления этого государства^[28].

После годичного перерыва и неудачных попыток сближения с Францией Александр вновь вспомнил о планах Чарторыйского уже в начале 1811 г. При этом была зафиксирована необходимость занятия поляками государственных и административных должностей в структуре Польского Королевства. Однако реализация этих идей зависела от позиций австрийского и прусского монархов, которые весьма неблагоприятно отнеслись к инициативе Петербурга, не желая без должной компенсации уступать часть своей территории, а также осложнять отношения с Францией. Плану Чарторыйского не суждено было сбыться, но он обозначил направление российской дипломати-

ческой линии на Венском конгрессе 1814 – 1815 гг.

Еще до официального открытия Конгресса Каслри, после безрезультатной встречи с российским самодержцем, отправил ему письменное послание, в изысканной и лестной манере, свойственной эпохе, изложив своё видение польской проблематики. Здесь читаем: «Умоляю ваше величество не верить, что я буду смотреть без удовольствия на значительное расширение ваших границ со стороны Польши. Мои возражения касаются только пространства и формы этого расширения... Я <...> должен настаивать на изменении, а не на отказе от ваших требований. [Вы] можете соединить наши благодетельные намерения относительно польских подданных ваших с тем, чего требуют ваши союзники и целая Европа. Они не желают, чтобы поляки были унижены, лишены административной системы, <...> сообразной с их потребностями, не желают, чтобы ваше величество заключили такие условия, которые стесняли бы вашу верховную власть над вашими собственными областями. Они желают, чтобы для сохранения мира ваше величество шествовали постепенно к улучшению административной системы в Польше; чтобы вы (если только не решились на полное восстановление и совершенную независимость Польши) избежали меры, которая, при громком титуле короля, распространит беспокойство в России и странах соседних»^[29].

[26] Булатов Ю.А. Польский эксперимент династии Романовых // Международная жизнь. — 2015. — № 10. — С. 161.

[27] Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. Т. II. 1913. С. 197.

[28] Лукашевич, А. М. «Польские» проекты в военно-стратегических планах Российской империи (1810 – июнь 1812 г.) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6. Минск БГУ, 2011. — С. 179.

[29] Цит. по: Соловьёв С. М. Император Александр Первый. Политика. Дипломатия. / С. М. Соловьёв. — Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1877. — С. 215

К письму был приложен меморандум, где Каслри напомнил Александру I о его, Александра, договорах с австрийским и прусским монархами, заключённых в 1813 г. (Рейхенбахский и Теплицкий), по которым стороны договорились поделить Польшу между собой в ходе будущего послевоенного урегулирования. Каслри писал, что, создавая независимую Польшу и даруя ей либеральную конституцию, царь не учитывает желаний собственного народа.

30 октября из Петербурга пришёл ответ. Не растерявшись, Александр, оплатил англичанину его же монетой, заявив, что это Каслри не считается с желаниями своего народа и членов парламента, когда оппонирует либерализации Польши. Договоры, на которые ссылался английский дипломат, раздражённый монарх объявлял устаревшими: обстоятельства, при которых они были заключены, стали уже частью истории^[30]. В весьма напряжённом тоне Александр апеллирует к «чистоте [своих] намерений», высказывая уверенность: установление нового порядка «послужит общей пользе»^[31].

Вскоре после этого российский самодержец направил в Лондон письмо с предложением окончить общение в частном порядке. Как писал Талейран: «Каслри думал, что он в состоянии склонить императора, однако смог только рассердить его»^[32].

Программа-максимум российской дипломатии предусматривала переход всей территории Варшавского гер-

цогства под контроль Романовых, что позволило бы отодвинуть западную границу империи к р. Одер. Часть территорий, которые Александр I желал получить в качестве вознаграждения за победу над наполеоновской армией «двунадесяти языков», по договорам конца XVIII в. о разделах Речи Посполитой принадлежала Австрии и Пруссии. Естественно, ни Габсбурги, ни Гогенцоллерны не желали уступать земли в самом сердце континента. Однако опасения всех крупных европейских держав по поводу потенциального усиления позиций России в Восточной Европе — более всего оно угрожало Австрии — завели переговоры в тупик. Несмотря на это между российской и прусской дипломатиями возникла почва для сближения, когда Александр I в пику западным державам поддержал стремление Фридриха Вильгельма III присоединить Саксонию, на которые свои виды имела также и Вена. Фридрих же, руководствуясь главным принципом дипломатии — принципом взаимности — согласился удовлетворить польские аппетиты Петербурга. Жёсткая позиция российских и немецких дипломатов означала крах проекта Каслри: аппетит Александра I подрывал британскую модель урегулирования. Лондон опасался чрезмерного усиления России; но ничего не мог с этим поделать.

В этих обстоятельствах австрийский министр Меттерних обратился за помощью к Каслри и Талейрану, пытаясь противопоставить альянс трёх

[30] К следующему письму в Лондон был приложен меморандум за подписью И. Каподистрия. Дипломат указал, что Лондон в аналогичной ситуации аннулировал Амьенский договор 1802 г. Повод для этого — изменение внешнеполитической конъюнктуры; причина — нежелание придерживаться условий соглашения

[31] Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 217.

[32] Nicolson H. Op. cit. P. 170.

держав русско-прусскому сближению. Англичанин колебался, но вынужден был согласиться: отказ означал был полный крах всей его политики. Талейран, умело игравший на противоречиях между победителями, позже напишет о венском дипломатическом противостоянии: «Польша, почти целиком находившаяся в руках России, была для Европы предметом постоянных тревог. Для ее безопасности было важно, чтобы две державы, а не одна, подвергались риску потерять свои владения и склонялись благодаря чувству общей опасности к объединению против властолюбивых замыслов России. Общий интерес создавал между ними крепкие узы, и именно поэтому Франция поддержала в данном случае притязания Пруссии и Австрии»^[33]. Сближение Каслри и Талейрана было одобрено премьер-министром графом Ливерпулем.

В канун Рождества 1814 г. Меттерних и представитель Александра I граф А. К. Разумовский начали переговоры об установлении общей границы с Польшей. Российский представитель потребовал присутствия Каслри во время обсуждений. Англичанин, в свою очередь, выдвинул *conditio sine qua non*: стороны должны позволить ему выступить с публичным заявлением. В нём Каслри хотел выразить своё отвращение к самой мысли о возможном разделе Польши. Политик боялся войти в историю как один из участников её очередного раздела.

На встрече 30 декабря 1814 г. уполномоченные российского царя заявили о его готовности уступить Пруссии

г. Тернополь и земли вокруг него, а Австрии — половину соляных шахт Велички. Краков и Торунь Александр I согласился провозгласить свободными городами. Это был ответ на соответствующее предложение английского министра: передача Торуня под власть Пруссии была необходима, чтобы упрочить контроль последней над землями по р. Висле. Английский министр отнёсся к предложению русского царя весьма осторожно.

3 января 1815 г. Каслри, Меттерних и Талейран подписали секретный договор, текст которого подготовил английский министр, чьё поведение шло вразрез с установками главы правительства: Каслри рисковал втянуть Соединённое Королевство в непопулярную войну. В спёртом воздухе венских дворцов витал запах пороха.

Согласно условиям договора, если одна из трёх сторон станет жертвой нападения (в данном случае очевидно: со стороны Пруссии и /или России), другие две выставят по 150 тысяч солдат в защиту союзных интересов. Это соглашение — исключительный успех Талейрана: послевоенная диспозиция «4+1»^[34] превратилась в «3+2», что играло на руку поверженной Франции. В конце XIX в. О. фон Бисмарк сформулировал один из главных принципов баланса сил: «Постарайся быть среди троих в мире, где правит хрупкий баланс пяти держав». Тонкие действия «служившего всем богам» Талейрана стали прекрасной практической иллюстрацией теоретической максимы, изложенной аж через полвека после его смерти.

[33] Талейран Ш.-М. Указ. соч. С. 198.

[34] Четыре страны Антинаполеоновской коалиции против проигравшей Франции.

и это при том, что Талейран, сторонник сильной и независимой Польши, не поддержал Лондон и Вену в их позиции по польскому вопросу! Считаясь с крепостью дипломатических позиций Александра I, «хитрый лис» предлагал возвратить Польшу к границам, установленным Третьим разделом (1795).

12 января Каслри заявил о необходимости предоставления независимости польскому государству, которое должно быть образовано путём воссоединения территории Варшавского герцогства со всеми польскими землями, отошедшими к России в 1791 г. (Эта же идея составляла программу-максимум британской дипломатии с самого начала работы Конгресса. Отчитываясь о переговорах с Александром I, Каслри писал Ливерпулю: «Я заявил, что восстановление независимой Польши удовлетворило бы британское правительство, которое, однако, видит большую разницу между, с одной стороны, созданием на части польских земель подконтрольного России королевства и превращением всей Польши в независимое государство — с другой»^[35].) Истинные причины этих слов исследователи видят в желании «ограничить продвижение России на Запад берегами р. Вислы»^[36]. Заявление министра было сделано с подачи Лондона, стремившегося ещё и произвести впечатление на польское население герцогства. В ходе заключительной фазы польского урегулирования, не имея возможности

повлиять на ситуацию, Лондон решил усилить информационное воздействие на польское население, не забывая и о британском общественном мнении.

В начале февраля, после тяжелейших дипломатических баталий, стороны, наконец, договорились. Российская империя присоединила «на вечные времена» земли упомянутого Варшавского герцогства (Александр I не преминул переименовать его в Царство Польское^[37]) за исключением Кракова, который был объявлен вольным городом^[38], и Познаньской области, которая отошла к Пруссии вместе с г. Торунь. Среди прочих, в составе Царства, площадь которого составляла около 127 тыс. км², находились такие города как Варшава, Лодзь, Люблин и Калиш. Австрия получила южную часть Малой Польши и большую часть Червонной Руси. Под властью Вены теперь находился г. Величка и его соляные копи.

Конституция Царства Польского гарантировала местному населению полную независимость и особую структуру политической власти. Царём Польши стал сам Александр I. Польша сохраняла выборный сейм, свое правительство, армию, национальную денежную единицу — злотый. Польский язык по-прежнему носил статус государственного. Важнейшие правительственные должности занимались поляками. Внешняя политика Царства должна была оставаться под контролем Петербурга.

[35] Webster C. K. Op. cit. P. 198.

[36] Ward A. W. Op. cit. P. 470.

[37] В западной историографии принято название Конгрессова Польша, которое происходит от слова конгресс. Поляки так же называли Царство «Конгрессовкой» (польск. Kongresówka, от Królestwo Kongresowe).

[38] Статус вольного города Краков утратил после неудачного восстания 1846 г. Австрия присоединила город и его окрестности, грубо нарушив Венский договор 1815 г.

Возвратившись из Вены, глава Форин Офис представил вниманию Палаты Общин текст того самого «внешнеполитического завещания» Питта-младшего, чтобы каждый депутат мог оценить высокую точность его реализации. «Танцующая» Вена стала местом триумфа Каслри. С другой стороны, Каслри не смог противостоять усилению позиций России в Польше. Но можно ли вменить ему это в упрек, учитывая беспрецедентно высокое влияние императора-освободителя на устройство всей послевоенной системы отношений? К тому же, даже такой вариант разрешения польской проблемы, далёкий от максимальных требований Лондона, вполне соответствовал национальным интересам Великобритании: устойчивое равновесие на континенте было достигнуто. Спустившись с корабля, Каслри мог бы смело заявить, что привёз мир не только для своего, но и для следующего поколения: после Венского конгресса Европа на протяжении половины столетия не видела крупномасштабных войн.

Роль, которую Каслри сыграл в решении польского вопроса, уникальна. Л.Н. Толстой писал: «Если допустить, что великие люди ведут человечество к достижению известных целей, состоящих или в величии России или Франции, или в равновесии Европы, <...> или в чем бы то ни было, то невозмож-

но объяснить явлений истории без понятий о *случае* и о *гении*»^[39]. Так, «самый европейский и наименее островной» министр иностранных дел Великобритании оказался на посту как раз, когда Европа стояла на распутье. Ход истории подготовил Каслри *случай* для его звёздного часа, а *гений* дипломата привёл Европу к равновесию, ключом к которому стало решение польской проблемы.

После 1815 г. польский народ не перестал быть разделённым, за что Каслри, как одного из архитекторов Венской системы, часто осуждают. Однако идея национального самоопределения существовала тогда лишь в зачаточном виде и не могла быть определяющим фактором при проведении границ. При этом, английская дипломатия, требуя восстановления независимой Польши, руководствовалась отнюдь не возвышенными соображениями гуманности: решение польской проблемы было для английской дипломатии не целью, а средством. Лондон занимал эту морализаторскую позицию ровно до тех пор, пока она не стала единственным препятствием на пути к достижению выгодного соглашения с континентальными державами. Далее, исходя исключительно из собственных интересов, Британия прагматично отступила от требований о независимой Польше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов Ю. А. Польский эксперимент династии Романовых / Ю. А. Булатов. // Международная жизнь. — 2015. — № 10. — С. 158-179.
2. Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. — М.: Международные отношения, 2016. — 840 С.

[39] Толстой Л.Н. Война и мир / Л. Н. Толстой. — М.: Художественная литература, 1968. — Т. 4. — С. 287.

3. Лукашевич, А. М. «Польские» проекты в военно-стратегических планах Российской империи (1810–июнь 1812 г.) / А. М. Лукашевич. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) и др. — Минск: БГУ. — 2011. — С. 179-187.
4. Мусский И. 100 великих дипломатов / И. Мусский. — М.: Вече, 2009. — 432 С.
5. Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. / Г. Никольсон; вступит. ст. и общ. ред. И. М. Майского; пер. с англ. под ред. И. С. Завача. — М.: Госполитиздат, 1945. — 298 С.
6. Соловьёв С. М. Император Александр Первый. Политика. Дипломатия. / С. М. Соловьёв. — Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1877. — 563 С.
7. Тарле Е. В. Талейран. / Сост. и авт. предисл. В. А. Дунаевский. — Москва: Республика, 1993. — 348 С.
8. Bartlett C. J. Castlereagh. / Christopher J. Bartlett. — London: Palgrave Macmillan, 1966. — 329 p.
9. Churchill W. S. The World Crisis. The Aftermath. / Winston S. Churchill. — London: Thornton Butterworth, 1931.
10. Hurd D. Choose Your Weapons. The British Foreign Secretary: 200 Years of Argument, Success and Failure / Douglas Hurd. — London: Weidenfeld & Nicolson, 2010. — 414 p.
11. Jarrett M. The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon / Mark Jarrett. — London: I. B. Tauris, 2013. — 522 p.
12. Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–22. / Henry A. Kissinger. — Boston: Houghton Mifflin, 1957. — 453 p.
13. Kissinger H. Diplomacy. / Henry A. Kissinger. — New York: Simon & Schuster, 1994. — 912 p.
14. Nicolson H. The Congress of Vienna: A Study in Allied Unity / Harold Nicolson. — New York, 1964.
15. Waltz K. The Man, State, and War. A Theoretical Analysis. / Kenneth N. Waltz. — New York: Columbia University Press, 2001. — 263 p.
16. Ward A. W., Gooch G. P. The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919. Vol. 1 / Adolphus W. Ward, George P. Gooch. — Cambridge: University Press, 1922–23.
17. Webster C. K. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815–1822: Britain and the European Alliance. / Charles K. Webster. — London: G. Bell and Sons, 1925. — 598 p.

REFERENCES

1. Bartlett C. J. Castlereagh. / Christopher J. Bartlett. — London: Palgrave Macmillan, 1966. — 329 p.
2. Bulatov Yu. A. Pol'skij eksperiment dinastii Romanovyh [The Polish Experiment of the Romanov dynasty] // Mezhdunarodnaya Zhizn' [International Life]. — 2015. — № 10. — P. 158-179.
3. Churchill W. S. The World Crisis. The Aftermath. / Winston S. Churchill. — London: Thornton Butterworth, 1931.
4. Hurd D. Choose Your Weapons. The British Foreign Secretary: 200 Years of Argument, Success and Failure / Douglas Hurd. — London: Weidenfeld & Nicolson,

2010. — 414 p.
5. Jarrett M. The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon / Mark Jarrett. — London: I. B. Tauris, 2013. — 522 p.
 6. Kapitonova N. K., Romanova E. V. Istoriya vneshnej politiki Velikobritanii [The History of British Foreign Policy]. / N. K. Kapitonova, E. V. Romanova. — Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya [International Relations], 2016. — 840 p.
 7. Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–22. / Henry A. Kissinger. — Boston: Houghton Mifflin, 1957. — 453 p.
 8. Kissinger H. Diplomacy. / Henry A. Kissinger. — New York: Simon & Schuster, 1994. — 912 p.
 9. Lukashevich A M. «Pol'skie» proekty v voenno-strategicheskikh planah Rossijskoj imperii (1810–iyun' 1812 g.) [«Polish» Projects in the Military-Strategic Plans of the Russian Empire (1810–June 1812)] / A. M. Lukashevich. // Rossijskie i slavyanskije issledovaniya [Russian and Slavic studies: Scientific Collection]. — Issue 6. / Edited by A. P. Salkov, O. A. Yanovsky et al. — Minsk: BSU, 2011. — P. 179-187.
 10. Musskij I. 100 velikih diplomatov [100 Great Diplomats] / I. Musskij. — Moscow: Veche, 2009. — 432 p.
 11. Nicolson H. Kak delalsya mir v 1919 g. [Peacemaking, 1919] / Harold Nicolson; edited by I. S. Zvavich. — Moscow: Gospolitizdat [State Publishing House of Political Literature], 1945. — 298 p.
 12. Nicolson H. The Congress of Vienna: A Study in Allied Unity / Harold Nicolson. — New York, 1964.
 13. Solov'yov S. M. Imperator Aleksandr Pervyj. Politika. Diplomatiya. [Emperor Alexander the First. Politics. Diplomacy] / S. M. Solov'yov. — Saint-Peterburg: M. M. Stasyulevich, 1877. — 563 p.
 14. Tarle E.V. Talejran. [Talleyrand] / Compiled by V. A. Dunaevskij. — Moscow: Respublika, 1993. — 348 p.
 15. Waltz K. The Man, State, and War. A Theoretical Analysis. / Kenneth N. Waltz. — New York: Columbia University Press, 2001. — 263 p.
 16. Ward A. W., Gooch G. P. The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919. Vol. 1 / Adolphus W. Ward, George P. Gooch. — Cambridge: University Press, 1922–23.
 17. Webster C.K. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815–1822: Britain and the European Alliance. / Charles K. Webster. — London: G. Bell and Sons, 1925. — 598 p.